

ЖУРНАЛ «APOCRYPHA. REVUE INTERNATIONALE DES LITTÉRATURES APOCRYPHES»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР.

ЧАСТЬ 2: 1992–1993

Илья Сергеевич Вевюрко

кандидат философских наук

старший преподаватель МГУ им. М. В. Ломоносова

доцент богословского факультета ПСТГУ

119234, Москва, Ленинские горы, МГУ,

учебно-научный корпус «Шуваловский», философский факультет

vevurka@mail.ru

Для цитирования: Вевюрко И. С. Журнал «Апокрифа. Revue Internationale des Littératures apocryphes». Библиографический обзор. Часть 2: 1992–1993 // Библия и христианская древность. 2022. № 2 (14). С. 184–199. DOI: 10.31802/BCA.2022.14.2.007

Аннотация

УДК 82-95 (82-96)

В обзоре представлены номера ежегодника «Апокрифа» за 1992 и 1993 гг. Статьи в журнале публиковались на французском (большинство), немецком и английском языках; внимание исследователей было посвящено, в основном, апокрифам христианского происхождения. Две публикации обладают концептуальным характером: статья Эрика Жюно о понятии «Апокрифы Нового Завета» в третьем номере и статья Пьерлуиджи Пьованелли о процессе складывания эфиопского библейского канона в четвёртом. Кроме того, в № 3 освещены проблемы, связанные с такими раннехристианскими памятниками, как «Деяния апостола Иоанна», «Страдания Иоанна», «Добродетели Иоанна», «Деяния апостола Петра», «Псевдо-Климентины», латинские списки апостолов. В № 4 рассматривается преимущественно апокалиптическая литература. Здесь помещены исследования Третьей книги Ездры, «Апокалипсиса Павла», «Апокалипсиса Шенуте», «Апокалипсиса Девы Марии», «Апокалипсиса Фомы», «Апокалипсиса семи небес», «Проповеди Петра», «Деяний апостола Павла» и ещё одна работа по «Псевдо-Климентинам».

Ключевые слова: апокрифы, псевдоэпиграфы, ереси, библеистика, история Церкви.

Journal «Apocrypha. Revue Internationale des Littératures apocryphes»

Bibliographical Review. Part 2: 1992–1993

Ilia S. Vevurko

PhD in Philosophy

Senior Teacher at the Department of Philosophy of Religion
and Religion Studies at the Moscow State University

Associate Professor at the Department of Theology
at the Saint Tikhon's Orthodox University

Department of Philosophy, Leninskie Gory,

Lomonosov MSU Shuvalovsky Building, Moscow 119234, Russia

vevurka@mail.ru

For citation: "Journal 'Apocrypha. Revue Internationale des Littératures apocryphes'. Bibliographical Review. Part 2: 1992–1993". *Bible and Christian Antiquity*, № 2 (14), 2022, pp. 184–199 (in Russian). DOI: 10.31802/BCA.2022.14.2.007

Abstract. The review presents the issues of the annual «Apocrypha» for 1992 and 1993. Articles in the journal were published in French (most of them), German and English; the attention of researchers was mainly devoted to the apocrypha of Christian origin. Two publications have a theoretical significance – an article by Éric Junod on the concept of «Apocrypha of the New Testament» (in the third issue) and an article by Pierluigi Piovanelli on the process of the composition of the Ethiopian biblical canon (in the fourth issue). In addition, No. 3 highlights the problems associated with such early Christian monuments as the «Acts of the Apostle John», the «Sufferings of John», the «Virtues of John», the «Acts of the Apostle Peter», the «Pseudo-Clementines», the latin lists of the apostles. No. 4 deals mainly with apocalyptic literature. There are studies of 4 Ezra, the «Apocalypse of Paul», the «Apocalypse of Shenute», the «Apocalypse of the Virgin», the «Apocalypse of Thomas», the «Apocalypse of the seven heavens», «Kerygma Petri», «The Acts of the Apostle Paul», and another work on «Pseudo-Clementines».

Keywords: apocrypha, pseudepigrapha, heresies, biblical studies, church history.

В этом обзоре будут представлены следующие два номера журнала «Апокрифа» — за 1992 и 1993 г. Журнал остаётся, в основном, франкоязычным; в центре внимания его авторов чаще всего оказываются христианские апокрифы.

№ 3 (1992)

Третий номер «Апокрифы» был отдан под материалы собрания франкоязычной швейцарской ассоциации по изучению апокрифов — AELAC (Association pour l'étude de la littérature apocryphe chrétienne), основанной в 1981 г.¹ AELAC выпускает серийное издание «Series Apocryphorum» (Апокрифическая серия) в рамках проекта «Corpus Christianorum» (Корпус христианских памятников), организационным центром которого является то же издательство «Бреполь» в Тюрнхауте, выпускающее и журнал «Апокрифа». Первым проектом ассоциации было издание апокрифических деяний апостольских, исследованию которых посвящен специальный сборник². В редакционной статье третьего номера «Апокрифы» отмечается, что за декаду, прошедшую со времени учреждения AELAC, организация довольно сильно расширилась, теперь она включает в себя около шестидесяти членов, публикующихся не только на французском, но также на немецком и английском языках (с. 9). Номер начинается с большой программной статьи, в которой обсуждается статус термина «апокриф Нового Завета».

Junod É. «Apocryphes de Nouveau Testament»: une appellation erronée et une collection artificielle. Discussion de la nouvelle définition proposée par W. Schneemelcher. P. 17–46.

Статья написана Эриком Жюно из университета Лозанны. В ней автор подвергает пересмотру понятие «новозаветные апокрифы», введенное известным немецким филологом и библиографом Иоганном Альбрехтом Фабрициусом (1668–1736) в работе «Codex apocryphus Novi Testamenti» (1703). Жюно считает сам термин «новозаветные апокрифы» ошибочным, а понятие об их едином собрании, начало которому

1 Официальный сайт организации: URL: <https://wp.unil.ch/aelac/>.

2 Les Actes apocryphes des Apôtres: Christianisme et monde païen / ed. F. Bovon, M. van Esbroeck, R. Goulet, É. Junod, J.-D. Kaestli, F. Morard, G. Poupon, J.-M. Prieur, Y. Tissot. Genève: Université Faculté de théologie, 1981. К настоящему времени, как можно видеть на сайте, указанном в сноске выше, изданы «Деяния Иоанна» (1983), «Армянские деяния апостолов» (1986, 1992), «Деяния Андрея» (1989), «Деяния Филиппа» (1999).

положил «кодекс» Фабрициуса, искусственным. Жюно полемизирует главным образом с видным немецким патрологом В. Шнеемельхером (1914–2003), который стал редактором переиздания новозаветных апокрифов в 1987 г. и предложил новое определение понятию «новозаветные апокрифы». Ошибка Шнеемельхера, согласно Жюно, заключается в том, что он продолжает ограничивать время появления апокрифов, тематически относящихся к Новому Завету, эпохой становления новозаветного канона (или временем до IV в.), тем самым впадая в анахронизм.

Канонические тексты, как указывает Жюно, не сами собой сложились в единую книгу, но были отобраны Церковью и собраны в канон, который с тех пор должен был оставаться неизменным: «образование корпуса есть операция вторичная и во многом рукотворная» (с. 19). Свой тезис учёный иллюстрирует историей собирания корпуса сочинений «мужей апостольских» в XVII–XVIII вв. — историей процесса, который он считает столь же произвольным и необоснованным, как и публикацию апокрифического «кодекса» (с. 20–21). Понятие об «апокрифах Нового Завета» возникает, по Жюно, лишь в религиозных конфликтах XVI–XVII вв. У попытки Фабрициуса создать общий список этих апокрифов автор статьи находит четыре фундаментальных недостатка: 1) по аналогии с каноном этот корпус должен был бы иметь чёткие границы, что в действительности для собрания столь гетерогенных произведений невозможно; 2) формулировка «новозаветные апокрифы» как будто бы предполагает связь между Новым Заветом и апокрифическими произведениями, притом что различия между ними могут быть весьма существенны, а текстуальные связи бывают очень слабы; 3) определяя апокрифы через противопоставление канону, мы создаём неверное впечатление, что они в действительности как единое собрание конституировались этим противопоставлением; 4) мы также создаём иллюзию, что доминирование канона было предопределено (с. 25)³. Шнеемельхер дал своё первое определение апокрифа, получившее широкую рецепцию, в 1959 г. Согласно данной дефиниции, апокриф — это текст, который не был включён в канон, однако своим названием и жанром претендует на то, чтобы считаться отображением событий Нового Завета⁴.

3 С точки зрения верующего христианина, который признаёт, что Церковь не *присвоила* себе право формировать канон, а *усвоила* его свыше, состав канона действительно был предreshён, и тем самым был предreshен также набор неканонических, в широком смысле — апокрифических, текстов. Держась этой точки зрения, необходимо, однако, сознавать и открыто декларировать её конфессиональность.

4 Neutestamentliche Apocryphen in deutscher Übersetzung. T. 2. Tübingen, ³1959. S. 6. Мы немного сократили дефиницию без искажения её смысла.

В связи с этим Жюно спрашивает, как здесь провести границу с агиографией: например, если принять определение Шнеемельхера, то новозаветными апокрифами нужно считать любые жития апостолов. В новое определение, предпосланное изданию 1987 г., Шнеемельхер внёс дополнения. Он заметил, что апокрифы должны отличаться как от канона, так и от агиографического жанра. Чтобы решить эту проблему, Шнеемельхер классифицировал их: евангелия, псевдоэпиграфические послания, деяния апостольские и апокалипсисы (с. 27–28). Возражения Жюно сводятся главным образом к тому, что время возникновения апокрифов нельзя ограничить эпохой сложения канона (с. 35–36). Их собрание не составляет никакого единства и не подчиняется жанровому единообразию (с. 37). Для примера Жюно приводит два памятника: «Евангелие Петра» и «Деяния апостола Андрея». Первый из этих памятников, по его мнению, изначально не претендует на статус канонического и написан для простого читателя (с. 40–41); второй, наоборот, апеллирует к философским текстам в большей степени, чем к новозаветным каноническим (с. 41–43). Итак, апокрифы в любом случае не составляют никакого целостного корпуса. Хотя аргументация Жюно клонится к тому, что само понятие «апокриф» должно быть поставлено под сомнение, он не доходит до предложения перестать пользоваться этим понятием. Действительно, каковы бы ни были причины сложившегося положения дел, граница между каноном и апокрифом исторически строго определена. Разве что следует всегда осознавать экклесиоцентричность той логики, в которой эта граница получила начало и завершение.

Pervo R. I. Johannine Trajectories in the Acts of John. P. 47–68.

Статья Ричарда Перво из семинарии Сибири-Вестерн в Эванстоне (США), написанная на английском языке, является откликом на издание «Деяний апостола Иоанна», предпринятое Э. Жюно и Ж.-Д. Кэстли⁵. Перво предлагает источниковедческий и историко-теологический анализ апокрифа. Исследуя апокрифический нарратив, он приходит к выводу, что автор «Деяний апостола Иоанна» был знаком с текстами четырёх канонических Евангелий, а также, возможно, Деяний святых апостолов. Нельзя исключать также влияния на его писательское творчество неких устных преданий (с. 47). По своему идейному фону апокриф имеет пересечения с гностицизмом, однако нельзя с уверенностью усмотреть в его основе гностическую теологию (с. 48). Главной содержательной особенностью «Деяний» Перво представляется

5 Acta Iohannis (CCSA 1–2) / éd. É. Junod, J.-D. Kaestli. Turnhout, 1983.

усиление значения, выход на передний план фигуры апостола Иоанна (с. 60). При этом автор апокрифа работает с текстами своего героя, развивает и усиливает содержащиеся в них такие богословские положения, как единство Слова с Отцом (с. 62).

Plümacher E. Paignon und Biberfabel: zum literarischen und popularphilosophischen Hintergrund von Acta Iohannis 60f.48–54. P. 69–109.

Экхард Плюмахер — исследователь из Берлина. Его статья тоже посвящена «Деяниям апостола Иоанна», но в данном случае автор сосредотачивается конкретно на комическом эпизоде с клопами и на описании судьбы юноши, убившего своего отца⁶. Плюмахер задаётся вопросом, принадлежит ли этот фрагмент, как полагают Жюно и Кэсли, создателю оригинальной версии апокрифа, учитывая то, что он выделяется из основного текста стилистически и содержательно (с. 71–72). Истории с описанием разумного поведения животных, в том числе фантастического характера, были популярны в новеллах того времени. Плюмахер отмечает уже наличествующее в научной библиографии по этому вопросу указание на связь с неопифагорейской традицией (с. 73), но сам обращает внимание на известное сатирическое произведение «Лукий, или Осёл», приписываемое Лукиану. В обоих сюжетах искомый мотив маркируется при помощи термина *παίγνιον* («шутка»). Отсюда Плюмахер переходит к подробному литературоведческому анализу этого понятия, которое он обнаруживает сперва в истории мимического театра, откуда «пайгнион» попадает уже в римский роман. По мнению Плюмахера, эпизод с клопами входил в первоначальную версию апокрифа, но не был написан его автором полностью самостоятельно, а представляет собой адаптацию к апостольским «Деяниям» расхожего сюжета из римской новеллистики того времени. Отдельно рассматривается возможная связь решения включить этот эпизод в текст апокрифа с антропологией Филона Александрийского (с. 88–96). В менее подробном разборе новеллы об отцеубийце (с. 91–107) Плюмахер выясняет, что автор апокрифа обладал также сведениями из античного «Физиолога». Таким образом, несмотря на «популярный» характер его произведения, писатель «Деяний апостола Иоанна» предстает человеком не без образования, а его труд — произведением более сложным, чем может показаться на первый взгляд (с. 108–109).

6 Этот памятник недавно был опубликован в нашем журнале. Эпизод, о котором идёт речь, см.: *Виноградов А. Ю.* Апокрифические «Деяния Иоанна». Часть II: Богословие текста / пер. с греч. и ком. // БХД. 2020. № 2 (6). С. 48.

Kaestli J.-D. Le rapport entre les deux vies latines de l'apôtre Jean. A propos d'un récent article de K. Schäferdiek. P. 111–123.

Внимание Жана-Даниэля Кэстли (университет Лозанны), одного из ведущих специалистов по апокрифической письменности, сосредоточено на вопросе о взаимоотношении двух латинских памятников: «*Passio Iohannis*» и «*Virtutes Iohannis*». Кэстли полагает, что эти произведения исторически объединены наличием общего источника. Такое мнение он высказал, издавая в сотрудничестве с Жюно «Деяния апостола Иоанна». Но немецкий теолог Кнут Шефердик (1930–2010) в специальной статье оспорил эту гипотезу⁷. По мнению Шефердика, текст «*Virtutes Iohannis*» является вторичным по отношению к тексту «*Passio Iohannis*», восходящему к преданию Эфесской церкви, и присоединяет к нему материалы из неизвестного источника. Стемма, построенная Шефердиком, приведена Кэстли на с. 122. На следующей странице сам Кэстли поместил свою стемму, согласно которой памятники не зависят друг от друга, но имеют общий греческий источник. Впрочем, оба исследователя согласны между собой в том, что первоисточником всех этих текстов были «Деяния Иоанна».

Thomas Ch. M. Word and Deed: The Acts of Peter and Orality. P. 125–164.

Христин Томас из Гарварда исследует в статье композицию «Деяний апостола Петра». Всего существует пять апокрифических деяний: Петра, Павла, Иоанна, Андрея, и Фомы. Они различаются между собой по богословию и происхождению, но исследователи объединяют их в один корпус (с. 125). Все эти апокрифы были написаны в конце II — начале III в. и к IV в. действительно уже были корпусом; сохранились сведения о манихейском комментарию на него (с. 126). Обращаясь к литературной истории апокрифических деяний, Томас обращает внимание на теории об использовании жанра новеллы (с. 127). Притом что такие теории литературоведчески справедливы, нельзя сводить апокрифы к фикции, забывая об их традиционном происхождении (с. 130), причём особо следует иметь в виду наличие у традиции устного истока (с. 133). Показать, как взаимодействуют письменное и устное начала, является основной целью статьи Х. Томас (с. 135). В таком сложном литературном тексте, каковы, например, «Деяния Петра», необходимо различать его первоначально разрозненные письменные источники, композицию нарратива и дальнейшие редакции (например, латинский

7 *Schäferdiek K.* Die «*Passio Iohannis*» des Melito von Laodikeia und die «*Virtutes Iohannis*» // *Analecta Bollandiana*. 1985. № 103. P. 337–382.

перевод, находящийся в Верчелльском акте) (с. 138). Все эти слои могут нести на себе приметы вторжения устной традиции. Но если постулируется изначально устное происхождение какого-то фрагмента текста, то такое утверждение нуждается в формальной верификации. Так, в изначально устном тексте должны соблюдаться пять условий: фонемия (ритм, аллитерация, возможно размер), наличие повторов, анжамбеман (несовпадение синтаксических и метрических периодов), устойчивые словосочетания и расходящиеся версии (как у народной песни)⁸. Письменное не сменяет собой устное, но они сосуществуют и периодически обогащают друг друга (с. 145). Апокрифические деяния по жанру — это не свободная композиция и не новелла, но соединение различных традиций (с. 161), причём литературный и устный текст до появления финальной — дошедшей до нас — редакции состоят в непрекращающемся взаимодействии (с. 164).

Frey A. L'«Éloge de Philippe, saint apôtre et évangéliste du Christ» (BHG 1530b). P. 165–209.

Альберт Фрей (университет Лозанны) предлагает издание энкомия (хвалебной песни) «Похвала апостолу Филиппу». Публикацию предваряет описание рукописей (с. 167–172) и текстуальная история, которая на с. 179 суммирована в виде небольшой стеммы, а также анализ композиции памятника: он состоит из поэтической биографии, которая во многом почерпнута из «Деяний апостола Филиппа» (с. 172–176), призывания святого (с. 176–177) и эпилога (с. 177–178). На с. 180–211 следуют греческий оригинал энкомия и его французский перевод.

Wehnert J. Abriss der Entstehungsgeschichte des Pseudoklementischen Romans. P. 211–235.

В статье Юргена Венерта (Гёттинген) текстуальная история известного иудео-христианского апокрифа «Псевдо-Климентины» рассматривается как история античного романа. Древнейшая часть памятника — новелла о противостоянии с Симоном Волхвом, по времени близкая к «Деяниям апостола Петра» (рубеж II и III вв.). Основная часть романа — нарративы об обращении св. Климента к вере и о воссоединении семьи — написана между 220 и 270 гг., в ней заметно определённое влияние гностического учения Вардесана (с. 231). Позднее, с целью собрать все части воедино, роман был стилизован ещё одним редактором

8 *Peabody B. The Winged Word: A Study in the Technique of Ancient Greek Oral Composition as Seen Principally Through Hesiod's «Works and Days». Albany (N.Y.): State University of New York Press, 1975. P. 2–5.*

под письмо, адресованное апостолу Иакову (с. 226–227). Наконец, выкристаллизовались две редакции памятника: «Беседы» (*Homiliae*) в 270–290 гг. и «Воспоминания» (*Recognitiones*) в начале IV в.

Jones F. S. Evaluating the Latin and Syriac Translations of the Pseudo-Clementine Recognitiones. P. 237–257.

К изучению «Псевдо-Климентин» обращается также Фредерик Стенли Джонс из университета Калифорнии. Латинский и сирийский переводы этого древнего апокрифа важны для прояснения его истории, однако их взаимное соотношение выяснить непросто. На латынь памятник перевел Руфин Аквилейский, чьи переводческие принципы вызывают у исследователей определённое недоверие, во многом из-за полемики с ним св. Иеронима (с. 243). Этим недоверием к Руфину как свидетелю оригинального текста обусловлено, во многом, обращение ряда учёных к сирийской версии IV в. Однако не во всех случаях можно установить, какой из переводов предлагает более ценное разночтение. Поскольку паритет между двумя древними переводами выработать не удалось, латинский перевод, видимо, в силу большей доступности языка, всё же продолжил доминировать в поле зрения специалистов (с. 246). Для установления паритета нужен какой-то третий свидетель, арбитр. Таковыми являются, например, армянские фрагменты «Псевдо-Климентин» (с. 249) или цитаты Нила Анкирского (с. 252). Джонс предлагает также другие способы выявления более ценных чтений: во-первых, следует предпочитать перевод, в котором отсутствуют гармонизации с современным переводчику библейским текстом (с. 253); во-вторых, то же касается догматических гармонизаций (с. 256).

Dolbeau F. Listes latines d'apôtres et de disciples traduites du grec. P. 259–278.

Латинский список апостолов существует в двух различных типах: а) как список двенадцати, с упоминанием народов, среди которых они проповедовали, обстоятельств кончины и места погребения; б) как список семидесяти, с упоминаниями кафедр, которые они занимали. Франсуа Дольбо (Париж) приводит текстуальное описание восьми списков, некоторые из них были им изданы. Все они восходят к нескольким греческим прототипам, а именно: спискам Псевдо-Епифания, Псевдо-Дорофея и др. В конце статьи помещено издание списка семидесяти двух апостолов, основанного на четырёх латинских рукописях с юга Италии; он восходит к греко-сирийскому прототипу.

В конце третьего номера появляются краткие англоязычные аннотации содержащихся в нём статей (с. 279–283).

№ 4 (1993)

Согласно вводной редакторской статье, данный номер целиком посвящён раннехристианской апокалиптике. Издатели отмечают, что вообще по апокалипсисам вышло уже много трудов⁹, но из них лишь немногие обращены к изучению текстов, появившихся после составления Нового Завета.

Outtier B. Un Fragment Syriaque inédit de IV Esdras. P. 19–23.

Статья арменоведа Бернара Утье¹⁰, представителя французского Национального центра научных исследований (CNRS), посвящена сирийскому отрывку Четвёртой книги Ездры (3 Ездры в славяно-русской классификации), в котором содержатся стихи главы 8: 33b–41a, 41c–47b. Статья начинается с описания манускрипта, хранящегося в собрании арабских рукописей Национальной библиотеки в Париже. Это единственный сирийский свидетель 3 Езд., имеющий характер целостного фрагмента. На с. 20–22 приведен текст фрагмента, до сих пор не издававшегося, с его французским переводом и разночтениями из копии, находящейся в Милане: в основном это орфографические либо стилистические вариации.

Piovanelli P. Les Origines de l'Apocalypse de Paul reconsidérées. P. 25–64.

Пьерлуиджи Пьованелли (Париж) исследует рукописную традицию «Апокалипсиса Павла», особенно важного описаниямирая и ада, в его арабской, армянской и староиспанской версиях, которые до сих пор, по словам Пьованелли, оставались вне внимания учёных. На с. 26–37 автор приводит каталог манускриптов: греческих, латинских, средневековых западных (английских, немецких, испанских, французских) и восточных (коптских, сирийских, арабских, армянских, грузинских,

9 В сноске на с. 13 приводятся следующие сборники и монографии: *Apocalypses et théologies de l'espérance* / éd. L. Monloubou. Paris: Cerf, 1977; *Apocalypse: The Morphology of a Genre* / ed. J. J. Collins. Missoula (Mont.): Society of Biblical Literature, 1979. (Semeia; vol. 14); *L'Apocalypse johannique et l'Apocalyptique dans le Nouveau Testament* / éd. J. Lambrecht. Gembloux; Leuven: Ducilol Leuven Univ. Press, 1980. (Bibliotheca ephemeridum theologicarum Lovaniensium; vol. 53); *Himmelfarb M.* Tours of Hell: An Apocalyptic Form in Jewish and Christian Literature. Philadelphia (Pa.): University of Pennsylvania Press, 1983; *Collins J.* The Apocalyptic Imagination: An Introduction to the Jewish Matrix of Christianity. New York (N. Y.): Crossroads, 1984; *Early Christian Apocalypticism: Genre and Social Setting* / ed. A. Y. Collins. Atlanta (Ga.): Scholars Press, 1986; *Apocalypses et voyages dans l'au-delà* / éd. C. Kappler. Paris: Cerf, 1987; *Apocalypticism in the Mediterranean World and the Near East* / ed. D. Hellholm. Tübingen: J. C. M. Mohr (Paul Siebeck), 1989.

10 В некоторых русскоязычных источниках даётся другая транскрипция этой фамилии – Аутьер.

славянских¹¹ и эфиопских). Далее Пьованелли излагает историю изучения оригинального текста апокрифа с 1851 до 1990 года такими учеными, как Тишендорф, Джеймс, Кейси, Сильверстейн и Розенштиль (с. 37–45). Суммируя итоги этих исследований, автор строит стемму, обнимающую текстуальное развитие всех существующих рукописных версий «Апокалипсиса Павла» (с. 55). Анализ текста памятника, согласно Пьованелли, позволяет прийти к выводу, что он свидетельствует о большей древности двухчастной христианской эсхатологии (ад и рай) по сравнению с трехчастной (ад, рай и чистилище). Завершает статью солидная библиография по вопросу о происхождении «Апокалипсиса Павла» (с. 59–64).

Desreumaux A. Des symboles à la réalité: la préface à l'Apocalypse de Paul dans la tradition syriaque. P. 65–82.

Тему «Апокалипсиса Павла» продолжает статья Алена Деремо из CNRS. Сирийское предисловие (или апология) к этому апокрифу, переведённое на французский язык, Деремо представляет здесь впервые (с. 69–75). Оно призвано защитить апокриф как вышедший из-под пера самого апостола и является свидетелем споров вокруг подлинности апокалипсиса в средневековой яковитской среде. На с. 66 Деремо приводит список сохранившихся рукописей, самая ранняя из которых датируется предположительно XIV в. Хотя критическое издание предисловия, замечает исследователь, ещё не выполнено, предварительный перевод будет полезен для научных изысканий. Далее следует небольшая экспозиция текста. Деремо находит примечательным тот факт, что анонимный апологет, защищая историческую подлинность видений Павла, не настаивает на буквальности их восприятия: напротив, поддерживая учение известного яковитского богослова Бар Гебрея (1226–1286) о нетелесном характере адских мучений, он представляет образы ада из апокалипсиса как аллегории (с. 76). Деремо датирует предисловие XIII веком; оно возникло в несторианской среде и напрямую связано с полемикой о посмертной участи человека (с. 81–82).

Roquet G. L'Ange des Eaux et le dieu de la crue selon Chenouté: Sur un fragment copte des visions de l'Apocalypsis Sinuthii. P. 83–99.

Жерар Роке (Париж) предлагает новый перевод так называемого «Апокалипсиса» (Paris, B. N. Copte 130⁵ fol. 134–135), вышедшего из-под

11 Старославянский язык, как маргинальный для западных исследователей в не меньшей степени, чем, например, классический сирийский, помещается здесь в ряду восточных — конечно, не в лингвистическом, но в цивилизационном смысле.

пера одного из главных святых отцов коптского монашества — аввы Шенуте (333–451). Перевод, сделанный Роке, сопровождается детальным богословским и филологическим комментарием, который фокусируется на особенностях риторики Шенуте, характеризующейся использованием глубоких знаний в области египетского языка и культуры. Как внимательный пастырь и проповедник, Шенуте был хорошо знаком с реликтами почитания египтянами бога реки Нил; он использовал жанр апокалипсиса (откровения) для того, чтобы сделать «ангела вод» ответственным за разлив Нила, тем самым подчинив это явление Господу. Роке проводит сопоставление различных переводов (латинского и немецкого), осуществляя детальный анализ терминологического строя коптского памятника.

Mimouni S. Les Apocalypses de la Vierge: état de la question. P. 101–112.

Симон Мимуни (Париж) — известный историк раннехристианских движений, автор классического труда по иудео-христианству¹². Его краткий очерк об «Апокалипсисах Девы Марии», в основном, посвящён грекоязычным вариантам названного апокрифа. Откровения, приписанные Пресвятой Деве, одинаково хорошо представлены в греческой и сирийской, а также арабской, эфиопской, грузинской и армянской, славянской и румынской рукописных традициях (с. 102). Мимуни датирует их грекоязычный прототип концом V — началом VI в. (с. 108). Исследователь замечает, что само предание об откровениях, полученных Девой Марией, связано с преданием о Её успении, при этом, что существенно в контексте выяснения обстоятельств развития католической традиции, оно не связано с преданием о Её вознесении (с. 109). Поскольку наличие связи с успением, таким образом, позволяет опознать вариант текста как более ранний, Мимуни полагает, что сирийская, арабская и эфиопская версии апокрифа отражают состояние, более близкое к изначальному греческому прототипу, чем версии, сохранившиеся собственно на греческом, а также грузинском и армянском языках. Последние развились уже в ходе обособления апокрифа от повествования об успении (с. 112).

Paupert C. Présence des Apocryphes dans la littérature monastique occidentale ancienne. P. 113–123.

Катрин Попэр (Париж) исследует влияние апокрифов на монашескую литературу раннесредневекового Запада. Её изыскания относятся к IV–VII вв. Объект изучения — такие памятники, как «Установления»

12 *Mimouni S.C. Le judéo-christianisme ancien. Essais historiques. Paris: Cerf, 1998.*

и «Собеседования» св. Иоанна Кассиана, а также «*Règle du maître*» (лат. «*Regula magistri*» — «Правила учительные»), в свою очередь повлиявшие на «Правила» св. Венедикта Нурсийского. Даже краткий поверхностный анализ, проведенный Попэр, показывает, что христианская апокрифическая литература, в особенности «Апокалипсис Павла», была важным источником ранней монашеской литературы на Западе, служила для монахов источником эрудиции, участвовала в формировании некоторых богословских представлений.

Faerber R. L'Apocalypse de Thomas en vieil-anglais. P. 125–139.

Автор статьи об «Апокалипсисе Фомы» на староанглийском языке — Робер Фэрбер из университета Страсбурга. Гомилетическая староанглийская литература сохранила следы влияния древних христианских апокрифов. Эта новая область исследования начинается здесь переводом на французский язык и комментированием одной гомилии («*Alia omelia de die iudicii*» — «Гомилия иная о дне суда») в составе Верчелльского кодекса (*Codex Vercellensis*) X в. Особенно важными представляются автору статьи эти свидетельства в контексте средневековых споров о репрезентации Страшного Суда и адских мучений. Характеристика рукописи и предисловие даны на с. 125–128, обширный комментарий начинается на с. 133. Гомилия состоит из четырёх частей: описание бедствий, возвещающих приход антихриста; описание семи дней, которые предшествуют Божьему Суду; описание дня Суда и заступничества Девы Марии, архангела Михаила и апостола Петра; описание мук осуждённых в ад грешников и рассказа о ключах апостола Петра. В двух первых частях, а также в четвёртой используется «Апокалипсис Фомы»; в третьей части заметно влияние «Апокалипсисов» Павла и Марии (с. 135).

Baukham R. The Apocalypse of the Seven Heavens: The Latin Versions. P. 141–175.

Латинский «Апокалипсис семи небес», сохранившийся также в англо-саксонской и среднеирландской традициях, обладает элементами, восходящими к иудейской или раннехристианской апокалиптике. Детальный комментарий памятника, проведённый Ричардом Бокхемом, учёным из шотландского университета Святого Андрея, позволяет читателю проследить передачу апокалиптических мотивов в репрезентации ада и его мук. Бокхем сначала излагает историю изучения «Апокалипсиса семи небес» (с. 141–143) и даёт описание сохранившихся рукописей: латинских, ирландских и одной англо-саксонской (с. 143–147). Сравнение латинской редакции со средневековыми (с. 147–152)

приводит автора к выводу, что первая, хотя содержит неполный вариант памятника, текстологически более совершенна. Бокхем публикует её с переводом на английский язык (с. 153–154). Далее следует комментарий (с. 154–165), в котором автор предлагает некоторые эмендации, а также проводит параллели с другими апокрифами. Источники апокалипсиса оказываются очень разнообразны: это как разнообразная апокрифическая литература, начиная с Первой книги Еноха, так и античные натурфилософские сочинения. Наличие всех этих влияний само по себе не означает, что сам апокалипсис древен; однако прямых промежуточных источников мы не обнаруживаем, поэтому «экономичнее» будет гипотеза, согласно которой он может восходить ко II в. н. э. Скорее всего, латинский «Апокалипсис семи небес» представляет собой перевод с греческого (с. 165).

Cambe M. La Prédication de Pierre (ou: Le Kérygme de Pierre). P. 176–195.

Среди христианских произведений начала II в. «Керигма Петра», которая сохранилась в цитатах, в основном, у Климента Александрийского, часто определялась как христианское апологетическое сочинение. Мишель Камбе (Париж) предлагает понимать этот памятник как целое, имея в виду его экзегетическую практику, его антииудейскую полемическую направленность и «теологический спиритуализм» (с. 178). Камбе датирует возникновение апокрифа промежутком между Деяниями святых апостолов и сочинениями св. Иустина Мученика, то есть около 110–120 гг. Предварительно охарактеризовав наблюдаемые в тексте влияния и аллюзии (с. 179–180), он даёт его перевод на французский язык (с. 181–185) и комментарий с подробным указанием параллелей (с. 186–194). Последние две страницы занимает список изданий апокрифа и специальных трудов по нему.

Piovanelli P. Les Aventures des Apocryphes in Éthiopie. P. 197–224.

Ещё одна статья П. Пьованелли представляет собой обзор истории эфиопского канона, снабжённый внушительным подстрочным аппаратом, который представляет собой несомненную ценность для всех интересующихся эфиопской библейской и парабиблейской традицией. Как известно, письменность Эфиопии обеспечила сохранность множества редких апокрифических текстов, некоторые из них сохранились частично или даже полностью только на языке геэз. В средневековой абиссинской литературе апокрифы широко цитируются (с. 198). Большинство из них, как устанавливает Пьованелли, были переведены ещё в аксумский период, а конкретнее в IV–VI в. н. э., когда христианство

в Эфиопии переживало ранний расцвет. Однако канон в его нынешнем виде сложился только в XV в. В этот период император Зара Якоб, ревностный поборник монофизитства, произвел ревизию и отобрал апокрифы, теологически совместимые с господствующей доктриной (с. 205). В конце статьи Пьованелли предлагает список эфиопских апокрифов (с. 213–215) и обширную библиографию (с. 216–224).

Albert J.-P. Le Parfum et le sang. P. 225–243.

Согласно Жан-Пьеру Альберу (Тулуза), существует особая «христианская мифология ароматов» (с. 225). Чтобы продемонстрировать это, а также проанализировать её значение, автор исследует самые разнообразные источники: «Евангелие детства», сюжеты из «Золотой легенды» и множество католических житий вплоть до XIX в. Альбер полагает, что особый запах святости фигурирует в агиографических сюжетах, восходя к сюжетам из апокрифов о жизни Иисуса, как «реактуализация благоухания Христова» (с. 234). Не следует понимать этот запах святости просто как символ: он представляет собой, скорее, «осуществление символического» (с. 236).

Dunn P. W. Women's Liberation, the Acts of Paul, and other Apocryphal Acts of Apostles. P. 245–261.

Питер Данн из Кембриджского университета выступает с критикой феминистической герменевтики апокрифов. Актуальные на то время исследования в области апокрифических «Деяний» стремились продемонстрировать, что в раннем христианстве имело место движение за эмансипацию женщин. Особенно часто в пример приводили активную позицию святой мученицы Фёклы из «Деяний апостола Павла». Данн сомневается в том, что св. Фёкла действительно приобретает новые степени свободы, а не оказывается продолжением своего учителя, апостола Павла (с. 246–247)¹³. В целом он настаивает на том,

13 Сама выдвинутая здесь альтернатива представляется нам натянутой. Вообще, в агиографии женщины часто выступают наравне с мужчинами, но оказываются самостоятельными фигурами всё-таки реже, чем сами мужчины. Кроме того, они не занимают административных должностей (исключение составляют высшие уровни светской власти: княгини, царицы). Это говорит о том, что а) женщина понимается как сущностно равная мужчине, но б) именно в том, что составляет её отличие как женщины, она имеет особую сферу реализации, которая лишь в исключительных обстоятельствах сменяется на публичную деятельность. Архетипы этой несложной диалектики даны уже в библейских сюжетах: историях Деворы, Иудифи, Есфири, в отрицательном плане — Евы. Едва ли можно что-то добавить к этой картине или отнять от неё без особой идеологической ангажированности, далёкой от чистого научного интереса.

что древние памятники нужно анализировать в их собственных терминах, а не через произвольную оптику современной феминистской теологии.

Calzolari V. La tradition arménienne des Pseudo-Clémentines: état de la question. P. 263–293.

Автор последней статьи номера — Валентина Калцолари из университета Женевы. Армянская традиция «Псевдо-Климентин» основывается на фрагментах, сохранившихся в рукописи Galata 54 (XIV в., библиотека армянского патриархата в Стамбуле) и втором прибавлении к «Комментарию на Диатессарон» св. Ефрема. Изучение особенностей этих фрагментов, сопоставительно с латинским переводом Руфина и сирийским переводом, показывает, что армянские фрагменты имеют независимое от этих переводов происхождение от греческого оригинала, который был, вероятно, ближе к прототипу сирийского текста, чем латинского. Калцолари публикует фрагменты на языке грабар с их французским переводом и латинскими, а также сирийскими параллелями и комментирует их. В исследовании выясняется, что в тех частях «Псевдо-Климентин», которые отражены в рукописи Galata 54, армянский текст противостоит консенсусу латинских и сирийских свидетельств (с. 283), а в цитатах из этого апокрифа, находящихся в прибавлении к комментарию св. Ефрема, чаще совпадают сирийские и армянские чтения (с. 290).

В целом третий и четвёртый номер «Апокрифы» отражают как палитру специальных интересов учёных, доминировавшую в начале 1990-х гг., так и постановку более общих вопросов, особенно в первой статье Э. Жюно.